
ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 811.512.2 + 81'366.548

DOI 10.25205/2312-6337-2025-1-70-79

О происхождении показателя творительного падежа в тунгусо-маньчжурских языках

А. М. Певнов

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В тунгусо-маньчжурских языках три падежных аффикса могут быть результатом грамматикализации, один из них – показатель творительного падежа. В письменном чжурчжэньском (XII–XV вв.) и в современных тунгусо-маньчжурских языках представлены следующие рефлексy этого реконструированного аффикса: *-gi*, *-i*, *-žī*, *-ži*, *-č*, *-t*. Праязыковой показатель творительного падежа **-gī* произошел от слова **gī* ~ **gia* ~ **gua* ‘другой (из двух) > сторона’. Возможность такого семантического развития находит подтверждение в истории английского языка: древнеанглийскому *wīð*, одним из значений которого было ‘противоположный’, в современном английском соответствует предлог *with* ‘с’.

Ключевые слова

творительный падеж, аффикс, грамматикализация, тунгусо-маньчжурские языки, праязык, этимология

Для цитирования

Певнов А. М. О происхождении показателя творительного падежа в тунгусо-маньчжурских языках // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 1 (Вып. 53). С. 70–79. DOI 10.25205/2312-6337-2025-1-70-79

On the origin of the instrumental case marker in the Manchu-Tungusic languages

A. M. Pevnov

Institute for Linguistic Studies of the RAS, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract

Grammaticalization processes may account for at least three case markers in Manchu-Tungusic languages. One of these is the instrumental case marker, likely derived from the proto-language form **-gī*. The reflexes of this reconstructed affix can be found in Jurchen and modern Manchu-Tungusic languages (*-gi*, *-i*, *-žī*, *-ži*, *-č*, *-t*). The sporadic palatalization of *g* before *i* occurred in the Manchu-Tungusic proto-language and its descendants. In Jurchen, which written documents date back to the 12th–15th centuries, the marker of the instrumental case was *-gi*. In Manchu, the instrumental case marker is identical to the genitive case marker *-i*.

© А. М. Певнов, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 1 (Вып. 53)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 1 (iss. 53)

The author supposes that the former goes back to $*-g\bar{i}$ ($> -gi > *-yi > *-ji > -i$), whereas the latter derives from the proto-language form $*(j)i \sim -ni$. Notably, the instrumental case marker has been preserved in its original form in at least one Manchu word: *amgi* ‘together’ ($< *amu-gi$ one-INSTR, cf. Ukrainian *раз-ом* one-INSTR ‘together’). The author suggests that the affix $*-g\bar{i}$ originated from the word $*g\bar{i} \sim *-g\bar{ia} \sim *g\bar{ua}$ ‘the other of two > side’. The meaning ‘the other of two > side’ is close to the meaning ‘opposite’, which was one of the meanings of the Old English *wið* (it corresponds to the modern preposition *with*). Apparently, in the Manchu-Tungusic proto-language the case marker $*-g\bar{i}$ had originally the comitative meaning, which quite naturally developed from the meaning ‘the other of two > side’. It is noteworthy that the comitative meaning is characteristic of modern instrumental case markers in several Manchu-Tungusic languages.

Keywords

instrumental case, affix, grammaticalization, the Manchu-Tungusic languages, proto-language, etymology

For citation

Pevnov A. M. O proiskhozhdenii pokazatelya tvoritel'nogo padezha v tunguso- man'chzhurskikh yazykakh [On the origin of the instrumental case marker in the Manchu-Tungusic languages]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 1 (iss. 53), pp. 70–79. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2025-1-70-79

Введение

В тунгусо-маньчжурских языках некоторые падежные аффиксы образовались в результате грамматикализации.

О. П. Суник, перечисляя «имена-последлоги» ульчского языка, упоминает последлог *bā- ~ bō-* ‘в сторону’, ‘в направлении’ и отмечает, что «по своему грамматическому значению эти формы весьма близки формам направительного падежа: *хотонти* ‘в город’, *дуэнтэти* ‘в лес’» [Суник 1985: 51]. Судя по опубликованным в этой работе ульчским фольклорным текстам, это уже не последлог, а падежный аффикс, причем с кратким гласным (*-bani / -bāni, -ban / -bān*; сегмент *-ni, -n* был в последлоге посессивным показателем 3-го л. ед. ч.). Доказательством того, что это аффикс, служит наличие в текстах словоформ *минбэн* ‘ко мне’ и *синбэн(и)* ‘к тебе’ [Суник 1985: 57, 66, 67, 68, 70 и др.]. *Мин-* и *син-* представляют собой основы косвенных падежей личных местоимений 1-го и 2-го л. ед. ч. соответственно, поэтому сегмент *-бэн* является несомненно аффиксом. Ульчский падежный аффикс *-bani / -bāni (-ban / -bān)* восходит к последлогу **bāru-* ‘по направлению к чему-либо или к кому-либо’, который был заимствован предком ульчского, орокского и нанайского языков из маньчжурского, где последлог *baru (bāru?)* был образован от слова *ba (bā?)* ‘место, местность’ ($< *bu\gamma a$) (подробнее см. в [Певнов 2015: 312–320]).

Результатом грамматикализации может быть маньчжурский показатель дательно-местного падежа *-dā*, который, конечно же, имеет некоторое сходство с пратунгусо-маньчжурским аффиксом дательно-местного падежа $*-d\bar{u}$, но не может к нему восходить, поскольку в истории маньчжурского языка не было перехода $*\bar{u} > \bar{a}$ (или $*\bar{u} > a$, если допустить, что некогда существовал другой сингармонический вариант этого аффикса, т. е. $*-da$). Кстати, в раннем чжурчжэньском языке (начиная с XII в.), генетически весьма близком к маньчжурскому, соответствующее падежное значение выражалось аффиксом *-du / -do* (сингармонические варианты), являющимся закономерным продолжением пратунгусо-маньчжурского $*-d\bar{u}$. В более позднем состоянии чжурчжэньского языка (XVI в.), известном только по китайской транскрипции, употреблялся локативный показатель, аналогичный маньчжурскому: *«ju-de fuli-mbi* ‘идти по дороге’, *heče wa[r]ge-de* ‘под городскими стенами’» [Kane 1989: 122] (локативный показатель выделен мной. – А. П.).

Весьма вероятно, что в позднем чжурчжэньском и в маньчжурском показатель дательно-местного падежа, восходящий к пратунгусо-маньчжурскому $*-d\bar{u}$, был заменен аффиксом *-dā* (в разговорном маньчжурском *-dā, -d*), который может быть связан по происхождению с маньчжурскими словами *dārgi* ‘1) верх; высота; верхний; 2) восточная сторона’ ($< *dā \bar{a}rgi$ ‘верхняя сторона’), *dālā* ‘верх; верхний; наверху’ ($*dā-lā$ верх-ЛОС) и с чжурчжэньскими *dāḡā, dāḡar* ‘верхний’ (верифицированное чтение чжурчжэньских фонограмм; первый вариант представлен на Тырской стеле (1413 г.) [Певнов 2004: 138], второй – в средневековом словаре «Хуа-и ии»). В конечном счете в позднем чжурчжэньском и в маньчжурском аффикс *-dā* восходит к монгольскому по происхождению слову $*dāḡar$ ‘верх’, в монгольском письменном языке соответ-

ствующий корень представлен в следующих словах: *degedü* ‘верхний; лучший’, *degere* ‘верх; наверху; ...’ (во втором слове сегмент *-e* является формантом местного падежа).

По всей вероятности, в позднем чжурчжэньском и в маньчжурском языках показатель дательного-местного падежа *-dä* первоначально был послелогом, который можно реконструировать как **dār* (< **dāyar*); этот послелог имел значение ‘на поверхности (чего-то)’, отпадение *r* в исходе слова после долгого гласного в маньчжурском языке закономерно (ср. маньчжурское *da* и эвенкийское *dār*, означающие ‘маховая сажень’). По-видимому, от этого послелога при помощи показателя творительного падежа *-i*, совпадающего с формантом родительного падежа, был образован послелог *dəri*, имеющий в маньчжурском письменном языке пролативное и аблативное значения: «*dəpi* ‘через, сквозь, по, из’ (чаще всего примыкает, но иногда сочетается с исходным падежом имени...)» [Аврорин 2000: 227]. Этому послелогу маньчжурского письменного языка соответствует показатель аблатива *-dəri* (*-deri* в соответствии с используемой автором транскрипцией) в сибирском языке, ближайшем родственнике маньчжурского [Zikmundová 2024: 490]. Кроме того, послелог *dəri*, выражающему пролативное и аблативное значения в маньчжурском письменном языке, материально соответствуют варианты аблатива *-deli* ~ *-dele* ~ *-dile* ~ *-dili* в разговорном маньчжурском языке, причем этими вариантами передается не только аблативное значение, но также пролативное и (что существенно для темы данной статьи) инструментальное: «*gale-deli fete-xe* ‘(он) копал это (своими) руками’ (рука-ABL копать-PST)» [Zikmundová and Gao Wa 2024: 471]. Также инструментальное значение выражает материально соответствующий послелог *dər* в материалах по разговорному маньчжурскому языку, собранных А. Д. Рудневым, например: *far dər* (в оригинале *фар-дэр*) ‘в санях, на санях’ (букв. санями), *morin dər* (в оригинале *морин-дэр*) ‘на лошади’ (букв. лошадь). Следует отметить, что в записях А. Д. Руднева показателем дательного-местного падежа выступает не только *-dä*, но и *-d*, например: *bō-dä*, *bo-d* ‘дома, в доме’ (в оригинале *бōде, бод*) [Руднев 1912: 49, 60, 61], что свидетельствует о возможности отпадения *i* в послелог *dər* (**dəri* > *dər*).

Из трех значений рассмотренных вариантов послелога – пролативного, аблативного и инструментального – первоначальным является, очевидно, последнее (а ему, как будет показано дальше, предшествовало комитативное). Аблативное значение может выражаться творительным падежом в ульском и нанайском языках. Пролативное значение в некоторых случаях имеет творительный падеж в русском языке (*идти дорогой, идти берегом*). Переход пролативного значения в инструментальное кажется мне маловероятным. В маньчжурском письменном языке, как мы уже знаем, послелог *dəri* выражает не только пролативное значение, но и аблативное; первое не могло породить второе и наоборот, но при этом оба вполне могут быть производными от инструментального. Таким образом, в маньчжурском письменном языке, в одном маньчжурском диалекте и в сибирском языке реконструируемый послелог **dār-i* представляет собой, как было сказано выше, послелог **dār*, оформленный показателем творительного падежа **-i*. Если предлагаемая этимология верна, то отпадение *r* в исходе слова после долгого гласного должно было произойти после образования рассматриваемого послелога – иначе, например, в маньчжурском письменном языке было бы не *dəri*, а *däi*.

Рефлексы пратунгусо-маньчжурского показателя творительного падежа **-gī*

В нанайском, ульском, орокском (уильта), ороцком, удэгейском, негидальском, ороченском, солонском языках, а также в маньковском и урульгинском территориальных вариантах эвенкийского [Castrén 1856: 8] показателем творительного падежа является *-žī*; в хамниганском идиоме гласный этого аффикса долгий: *-žī* [Janhunen 1991: 65–66] (на солонском, ороченском и на хамниганском говорят в северо-восточном Китае). В эвенкийском и эвенском языках аффикс **-žī* в результате закономерных фонетических изменений был преобразован в *-č* (во всех диалектах эвенского и в сымском диалекте эвенкийского) и в *-t* (во всех других диалектах эвенкийского); впрочем, и в эвенкийском, и в эвенском после некоторых согласных употребляется алломорф *-žī*. Интересно, что в солонском языке «встречается в значении comitativi еще очень любопытная форма двойного instrumentalis на *-žit*, ср. *ašžit* ‘с женой’ (основа *ašī*)» [Поппе 1931: 115].

Таким образом, имеющие общее происхождение показатели творительного падежа *-žī*, *-žī*, *-č*, *-t* представлены во всех языках трех из четырех ветвей тунгусо-маньчжурской языковой се-

мы: в амурской (нанайский, ульчский, орокский), в сихотэ-алинской (орочский, удэгейский) и в тунгусской (эвенкийский, эвенский, негидальский, солонский, ороченский языки и хамниганский идиом).

Рассмотрим, как обстоит дело с показателями творительного падежа в языках четвертой (маньчжурской) ветви тунгусо-маньчжурской языковой семьи – в чжурчжэньском и маньчжурском.

В письменном чжурчжэньском языке XII–XV вв. был передаваемый силлабограммой надежно читаемый аффикс *-gi*. В средневековом китайско-чжурчжэньском словаре серии «Хуа-и иуй» этот аффикс оформляет несколько прилагательных, в том числе *icā-gi* ‘новый’, где основа *icā-* имеет значение ‘новый’ (точнее – ‘новизна’). В таком употреблении чжурчжэньский аффикс *-gi* должен был иметь значение обладания, то есть буквально *icā-gi* следует переводить как ‘с новизной, имеющий новизну’. Однако в чжурчжэньском тексте трехязычной Тырской стелы, установленной в 1413 г. в низовьях реки Амур, этот же аффикс *-gi* выступает в качестве показателя творительного падежа (*ХАуа-ни alawa-gi* император указ-INSTR ‘по указу императора’), что подтверждается аналогичным по содержанию монгольским текстом Тырской стелы, где соответствующее слово оформлено показателем творительного падежа *-i(ya)r* [Головачев и др. 2011: 177, 181].

В маньчжурском письменном языке инструментальное («орудное») значение выражается или показателем дательного (дательно-местного) падежа *-dā*, или аффиксом *-i*, формально совпадающим с показателем родительного падежа. Заслуживает внимания то, что в маньчжурском письменном языке дательный (дательно-местный) падеж выражает инструментальное («орудное») значение при глаголах, обозначающих окончившиеся действия, тогда как родительный падеж выражает инструментальное («орудное») значение при глаголах, выражающих «неокончившиеся или даже неначившиеся действия». Именно так описывает эту корреляцию грамматических значений В. А. Аврорин, отмечая то, что первым об этом написал И. И. Захаров [Аврорин 2000: 79, 82–83].

По-видимому, в маньчжурском аффиксе *-i* совместились два омонимичных падежных форманта: показатель родительного падежа *-i* и показатель творительного падежа *-i*; первым об этом написал Й. Бенцинг: «...так, например, инструментальный падеж не отсутствует в маньчжурском языке, он совпал с “генитивом” в звуковом отношении» [Benzing 1956: 78]. В отличие от Й. Бенцинга, возводившего маньчжурский показатель творительного падежа *-i* к **-ži* [Benzing 1956: 87], предлагаю реконструировать его как **-gi* (> **-yi* > **-ji* > *-i*).

Подтверждением такого толкования фонетической истории маньчжурского показателя творительного падежа может быть реконструкция внутренней формы маньчжурского слова *amgi* ‘всесте’ – по всей вероятности, оно восходит к **amu-gi*, где основа **amu-* означала ‘один’, а сегмент *-gi* был, скорее всего, показателем творительного падежа; следовательно, слово *amgi* буквально означало ‘одним’. Предлагаемая этимология маньчжурского слова имеет типологическую аналогию в украинском слове *разом* ‘вместе’.

Значение ‘вместе, заодно с кем-либо’ передается в маньчжурском языке наряду с *amgi* словом *amdā* – И. И. Захаров считал, что оно восходит к *эму дэ* [Захаров 1875: 83], где *эму* означает ‘один’, а *дэ* является показателем дательного или дательно-местного падежа (в соответствии с маньчжурской традицией И. И. Захаров писал падежные форманты отдельно от слов, к которым они относятся). Маньчжурское слово *amdā* ‘вместе’ образовано аналогично эвенкийскому *umundū* ‘вместе’ (*umun-dū* один-DAT.LOC). Напомню, что в маньчжурском языке показатель дательно-местного падежа *-dā* может иметь инструментальное значение, так что не исключено, что *amdā*, подобно *amgi*, буквально означало не ‘в одном’, а ‘одним’. Нетрудно сделать вывод: если маньчжурское слово *amdā* исторически представляет собой падежную форму числительного, означающего ‘один’, то с высокой степенью вероятности слово *amgi* также было когда-то падежной формой того же числительного, оба слова отличались друг от друга лишь тем, что одно (*amdā*) было образовано при помощи показателя дательно-местного падежа, а другое (*amgi*) – посредством аффикса творительного падежа.

Интересно, что в двух территориальных вариантах разговорного маньчжурского языка – Бала и Альчука – родительный падеж выражается в том числе алломорфом *-gi*, что подтверждает предлагаемую в данной статье идею об относительно поздней «омонимизации» маньчжурских

показателей родительного и творительного падежей. «Падежная парадигма в Альчука и Бала отличается от падежной парадигмы в Саныцзянзы главным образом бóльшим количеством алломорфов падежных показателей. В зависимости от того, оканчивается ли основа на гласный, неназальный согласный или на назальный согласный, показатель аккузатива представлен как *-we ~ -be ~ -me*, показатель генитива как *-i ~ -gi ~ -ni*, а показатель датива как *-de ~ -te ~ -ne*» [Zikmundová and Gao Wa 2024: 472] (показатель *-gi* выделен мной. – А. П.). Судя по описанию фонотактики разговорного маньчжурского, неназальным согласным, предшествующим алломорфу *-gi*, может быть фонема *l*, которая в конечной позиции в слове реализуется как аппроксимант *ɭ* [Zikmundová and Gao Wa 2024: 467, 468]. Думаю, что алломорф *-gi* в позиции после аппроксиманта (...*ɭgi*) вполне может представлять собой фонетически раннюю форму показателя маньчжурского творительного падежа, который, повторю, с течением времени «омонимизировался» с формантом родительного падежа (*-gi > -yi > -ji > -i*).

Весьма вероятно, что чжурчжэньский и маньчжурский показатели творительного падежа (*-gi* и *-i* соответственно) имеют то же происхождение, что и показатель творительного падежа в большей части тунгусо-маньчжурских языков (то есть *-ʒi*, *-ʒi*, *-č*, *-t*), причем в чжурчжэньском аффиксе *-gi* сохранилась форма, близкая к исходной, в то время как формант творительного падежа *-ʒi* (*-ʒi*) представляет собой результат палатализации *g* перед *i*. Аналогичная палатализация произошла, например, в эвенкийском слове *ʒiktə* ‘голубика’, которому соответствует эвенское *gīt* с тем же значением. В нанайском слове *āŋgiāʒia* (историческое членение на морфемы: *āŋ-giā-ʒia*) ‘правый (о стороне)’ сосуществуют два варианта одного и того же аффикса со значением ‘сторона’ – первый вариант с непалатализованным согласным (*-giā-*), во втором же варианте согласный представляет собой результат палатализации (*-ʒia*). В истории тунгусо-маньчжурских языков палатализация *g* перед *i* не была обязательной, она происходила спорадически; при этом непонятно, почему в одних случаях она была, а в других ее не было (подробнее о палатализации *g* перед *i* в связи с этимологией тунгусо-маньчжурского показателя творительного падежа сказано дальше).

Остается без объяснения тот факт, что в языках маньчжурской ветви не произошла палатализация согласного показателя творительного падежа (чжурчжэньский аффикс *-gi* и маньчжурский **-gi > -i*). Вопрос можно поставить иначе: почему в остальных тунгусо-маньчжурских языках представлены рефлексy показателя творительного падежа с палатализованным согласным?

Этимология показателя творительного падежа

Что касается этимологии показателя творительного падежа, то весьма вероятно, что он представляет собой результат грамматикализации первого из трех вариантов пратунгусо-маньчжурского слова **gī ~ *giā ~ *gua* ‘другой (из двух) > сторона’ (ср. варьирование гласных в пратунгусо-маньчжурских словах **nī ~ *niā* ‘человек’ и **ŋiā- ~ *ŋiā-* ‘пространство у воды или у огня’).

Семантической аналогией такой грамматикализации может служить появление инструментального значения у английского предлога *with*: в древнеанглийском языке слово *wið* имело в том числе значение ‘против, напротив’ (по происхождению ему соответствуют, например, немецкие слова *Widerspruch* ‘противоречие’, *wieder* ‘опять, снова’). Близость значений ‘против, напротив’ древнеанглийского *wið* и ‘другой (из двух) > сторона’ пратунгусо-маньчжурских вариантов **gī ~ *giā ~ *gua* представляется мне очевидной.

Напомню: в языках маньчжурской ветви – в чжурчжэньском и маньчжурском – предположительно произошли следующие звуковые изменения: **-gī > -gi > *-yi > *-ji > -i* (в чжурчжэньском языке *-gi*, а в маньчжурском – *-i*). В остальных тунгусо-маньчжурских языках мы видим варианты, возникшие в результате палатализации *g* перед *i*: **-gī > -ʒi > -ʒi > -č > -t*. Наиболее ранний палатализованный вариант показателя творительного падежа *-ʒi* сохранился в хамниганском идиоме. Правда, Ю. Янхунен, обнаруживший этот суффикс именно в такой форме, полагает, что первоначально гласный в нем был кратким [Janhunen 1991: 66]. Однако объяснить удлинение гласного в данном случае вряд ли удастся. Дело в том, что вторичная долгота гласных в тунгусо-маньчжурских языках возникала или в результате стяжения дифтонгов, или вследствие выпадения некоторых согласных в интервокальной позиции; к суффиксу *-ʒi* ни то,

ни другое не может относиться, поэтому долготу гласного в нем следует считать первичной. Кстати, в хамниганском идиоме следовало бы ожидать не *-žī*, а *-t* (алломорф после гласных; после некоторых согласных, как и в эвенкийском, мог быть алломорф *-ži*). Вполне допускаю, что появление в хамниганском идиоме показателя творительного падежа *-žī* объясняется влиянием солонского языка (правда, в солонском в соответствующем показателе творительного падежа *-ži* гласный краткий, но заимствование аффикса из солонского в хамниганский произошло, вероятно, тогда, когда он был еще долгим; к тому же источником заимствования мог быть уже исчезнувший диалект солонского языка). Думаю, что также под солонским влиянием в близких к хамниганскому идиому маньковском и урульгинском территориальных вариантах эвенкийского языка появился показатель творительного падежа *-ži* [Castrén 1856: 8]. Кроме того, аффиксом *-ži* выражается инструментальное значение в ороченском языке [Whaley 2024: 191], который также относится к числу тунгусских (иначе – к северной ветви тунгусо-маньчжурских языков). Что касается солонского языка, то и в нем показатель творительного падежа *-ži* с точки зрения исторической фонетики не является исконным: в солонском он, вероятно, из какого-то субстратного тунгусо-маньчжурского языка, в котором не было отпадения узких кратких гласных в исходе морфемы (вспомним в этой связи упомянутый выше солонский «двойной *instrumentalis*»: в его показателе *-žit* первый компонент (*-ži-*) мог быть субстратным, а второй (*-t*) – суперстратным). Кстати, и в негидальском языке вместо ожидаемых алломорфов *-t* (после гласных) и *-ži* (после некоторых согласных) представлен во всех позициях показатель творительного падежа *-ži*; причиной замены мог быть ороцкий (или ороцко-удэгейский) субстрат, отчетливо проявляющийся на разных уровнях негидальского языка.

Если говорить о лексической репрезентации рефлексов пратунгусо-маньчжурского варианта **gī*, то можно привести лишь один пример: эвенк. *gī-l* ‘другие’ [Василевич 1958: 83] (ср. эвенк. *gē* ‘другой (из двух)').

Палатализация *g* перед *i* происходила еще в пратунгусо-маньчжурском языке (правда, в крайне редких случаях). Следует отметить, что палатализация *g* была возможна как в варианте **gī*, так и в варианте **gia*.

Рефлексами варианта **gia* с непалатализованным *g* являются эвенк. *gē* (мн. ч. *gīl*) ‘1. другой; 2. второй; 3. друг, товарищ’; эвен. *gē* ‘1. другой; 2. второй; 3. 1) друг, товарищ; 2) муж, жена’; уд. *geæ* ‘другой, следующий’; ульч. *gēgda(n-)* ‘1) неженатый, незамужняя; 2) одинокий’; нан. *giagda* ‘1. 1) неженатый, незамужняя; 2) одинокий; 3) бездетный; 2. вдовец, вдова’ [ССТМЯ 1975: 144]. Кстати, о связи значений ‘другой (из двух)’ и ‘друг’ свидетельствует хотя бы то, что и в русском языке эти слова имеют общий корень.

Рефлексами варианта **gia* с палатализованным *g* (**žia*) выступают эвенк. *žē* (в диалектах это слово имеет разные значения: ‘друг, товарищ’, ‘муж, жена’ (обращение), ‘родственник’); ороц. *žā* ‘1) товарищ; 2) попутчик’; ульч. *žē* ‘друг, товарищ, компаньон’; нан. *žia* ‘1. 1) друг, товарищ, компаньон; 2) спутник, попутчик; 3) муж; 4) сородич; 2. следующий’; *žia-žiauari*, *žia-žiačiarī* ‘друг друга, друг на друга’; ма. *žaj* (точнее *žai*, – А. П.) ‘1. следующий, второй; 2. снова, опять, еще, что касается...’; *žačīn* ‘следующий, второй’ [ССТМЯ 1975: 254], а также орок. *žē* ‘1. партнер; 2. опять, снова; 3. еще один’ [Ikegami 1997: 88].

Подтверждением того, что **žia* ‘партнер, товарищ’ является палатализованным вариантом **gia* ‘другой (из двух)’, может служить фонетическое варьирование формы «контрастного, или полярного противопоставления» в нанайском языке. «Форма эта с выделительно-уточнительными целями подчеркивает контрастность значения пространственного существительного, которое и без того в какой-то степени присуще каждому такому существительному», например: *Нёани тэй най ангиадиалани тэсини* (показатель этой формы выделен мной. – А. П.) ‘Он от того человека направо (в правой стороне) сидит’ (в правой, но никак не в левой, стороне) [Аврорин 1959: 129]. Контрастное, или полярное, противопоставление выражается в нанайском языке вариантами *-диа* / *-диэ* (то есть *-žia* / *-žiə*), а также *-киа* (но только в одном слове – *докиа* ‘внутренний’) [Аврорин 1959: 129] (то есть *đōkia*). Очевидно, вариант *-киа* восходит к **-gia* (**-gia*).

По-видимому, инструментальному значению у пратунгусо-маньчжурского аффикса **-gī* предшествовало комитативное, которое вполне естественно возникло из первоначального значения ‘другой (из двух)’. В некоторых тунгусо-маньчжурских языках комитативное значение

у показателя творительного падежа сохранилось до нашего времени. Приведу два примера на нанайском языке из «Грамматики нанайского языка» В. А. Аврорина: *Лэтэ бригадир-ди правлениечи пулсхэни* ‘Лэтэ с бригадиром в правление ходил’; *Лэтэ-ди, бригадир-ди правлениечи пулсхэчи* ‘Лэтэ с бригадиром (= бригадир с Лэтэ) в правление ходили’ [Аврорин 1959: 180]. В ороцком языке творительный падеж также может выражать значение совместности, например: *...бй мулинка пæодор-жи хувэнти жў н'æуэнэхэму бичи* ‘...мы с Мулинкой Фёдором пошли вдвоем на охоту’ [Аврорин, Лебедева 1978: 68]. Аналогичное значение имеет творительный падеж в негидальском языке: *Монукан жайжа-жи кусиллэ* ‘Заяц с медведем стали бороться’; *Этихэн-жи атихэн-жи бичатин жодуј жуккааал-да* ‘Старик со старухой жили в доме вдвоем’ [Хасанова, Певнов 2003: 136, 137]. Приведу также похожий пример на ульчском языке: *Жуэн'и мапа-жи, жктэ-жи бичити* ‘Два человека – муж с женой – жили’ [Суник 1985: 89] (интересующие нас слова выделены полужирным шрифтом и поделены на морфемы мной. – А. П.).

Заключение

Значение ‘другой (из двух)’ у вариантов пратунгусоманьчжурского слова **gī ~ *gia ~ *gua* весьма абстрактное, по сути близкое к местоименному, его можно охарактеризовать как отрицательный дейксис (‘не этот из двух’ или ‘не тот из двух’).

В эвенкийском языке, например, такой отрицательный дейксис относится не только к одноподобным объектам (‘не этот (из двух домов)’, ‘не тот (из двух оленей)’, ‘не та (из двух женщин)’), но и к парным предметам (например, к лыжам, к рукавицам). Кстати, в эвенкийском языке слово *gē* (< **gia*) означает не только ‘другой (из двух)’, но и ‘один (из двух)’; такое значение бывает тогда, когда слово *gē* повторяется в предложении, например: *Гёва мэндүви гакал, гёва миндү бүкэл* ‘Одну себе возьми, другую дай мне’ [Василевич 1958: 83].

Абстрактное значение (‘другой (из двух) > сторона’) способствовало активной грамматикализации вариантов слова **gī ~ *gia ~ *gua*: 1) к первому варианту, как мы уже видели, по всей вероятности, восходит показатель творительного падежа во всех тунгусоманьчжурских языках; 2) от первого и от второго вариантов произошли аффиксы со значением ‘сторона’ (в некоторых тунгусоманьчжурских языках это значение не имеет лексической репрезентации); 3) к первому и третьему вариантам восходят вторые компоненты показателей рефактива в тунгусоманьчжурских языках: **-r + gī*, **-n + gī* (рефлексы представлены в некоторых языках тунгусской ветви и в обоих языках сихотэ-алиньской; плюсом обозначено историческое членение на морфемы); **-r + gu* (рефлексы есть во всех трех языках амурской ветви; по-видимому, при грамматикализации могла происходить не только утрата долготы гласного, но и монофтонгизация).

Активное образование новых аффиксов от лексических вариантов **gī ~ *gia ~ *gua* ‘другой (из двух) > сторона’ способствовало тому, что в некоторых случаях представлена такая последовательность морфем, в которой рефлексы этих вариантов употребляются два или даже три раза подряд – так обстоит дело, например, 1) в эвенкийском показателе исходного падежа *-gī + t* (**-gī-žī*) и в соответствующем ему нанайском показателе исходного падежа *-žīa + žī / -žīa + žī*; 2) в нанайском, ульчском и орокском слове *goi* ‘другой, иной; чужой’ < **guai* < **gua-γī* ‘другая сторона, относящийся к другой стороне’ (звуковые изменения аналогичны тем, которые произошли в нанайской, а также ульчской основе *γoi-* ‘пространство у берега’ < **γua-γī-*); 3) в нанайском слове *āη + gia + žīa-žī* ‘с правой стороны, справа’ (транслитерированная мной транскрипция дана по словарю [Оненько 1980: 41]) – компоненты *-gia*, *-žīa* и *-žī* в этом слове этимологически связаны между собой.

Производное значение ‘сторона’ имеется у рефлексов пратунгусоманьчжурских вариантов **gī ~ *gia* во всех четырех ветвях языковой семьи. Следует отметить, что в маньчжурском письменном языке рефлекс варианта **gī* представлен как *-gi* не только в слове *amgi* (< **amu-gi* ‘один-INSTR’ ‘вместе’, но и в слове *argi* (< **arə-gi*) ‘1) направление; сторона; 2) эта сторона’, в котором производящая основа имела значение ‘этот’, а присоединенный к ней суффикс обладал значением ‘сторона’.

В заключение хотел бы предложить сравнение первого варианта пратунгусоманьчжурского слова **gī ~ *gia ~ *gua* ‘другой (из двух) > сторона’ с корнем *žī(r)-* в следующих словах монгольского письменного языка: *žirin* ‘два’ («использовалось в ранних (ancient) текстах по отно-

шению к женщинам» [Mongolian-English Dictionary 1960: 1060]), *žirγuγan* ‘шесть’ (этимологически это ‘две тройки’), *žirmüsin* ‘беременная’ (*g* перед *i* закономерно палатализовался, ср. монгольское письменное *žida* ‘копье’ и, например, эвенкийское *gida* с тем же значением).

Список литературы

- Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 1. Фонетическое введение и морфология именных частей речи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 282 с.
- Аврорин В. А. Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб.: Наука, 2000. 239 с.
- Аврорин В. А., Лебедева Е. П. Ороцкие тексты и словарь. Л.: Наука, 1978. 264 с.
- Василевич Г. М. (сост.). Эвенкийско-русский словарь. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. 802 с.
- Головачев В. Ц., Ивлиев А. Л., Певнов А. М., Рыкин П. О. Тырские стелы XV века: Перевод, комментарии, исследование китайских, монгольского и чжурчжэньского текстов. СПб.: Наука, 2011. 318 с.
- Захаров И. И. (сост.). Полный маньчжурско-русский словарь, составленный преподавателем маньчжурского языка при Императорском С.-Петербургском университете, действительным стат. советн. Иваном Захаровым. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1875. 1127 с.
- Оненко С. Н. Нанайско-русский словарь. М.: Русский язык, 1980. 552 с.
- Певнов А. М. Чтение чжурчжэньских письмен. СПб.: Наука, 2004. 498 с.
- Певнов А. М. О монгольском влиянии на выражение некоторых падежных значений в тунгусо-маньчжурских языках // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований. Т. XI, ч. 3. СПб.: Наука, 2015. С. 303–328.
- Поппе Н. Н. Материалы по солонскому языку. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 143 с.
- Руднев А. Новые данные по живой маньчжурской речи и шаманству (с двумя рисунками в тексте) // *Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества*. Т. XXI, вып. I. СПб.: 1912. С. 47–115.
- ССТМЯ 1975 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю / Отв. ред. В. И. Цинциус. Т. I. Л.: Наука, 1975. 672 с.
- Суник О. П. Ульчский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1985. 263 с.
- Хасанова М. М., Певнов А. М. Мифы и сказки негидальцев [ELPR Publications Series A2-024]. Osaka: Osaka Gakuin University, 2003. 297 с.
- Benzing J. Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden: Verlag der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz, in Kommission bei Franz Steiner Verlag GMBH, 1956. 154 с.
- Castrén 1856 – M. Alexander Castrén's Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. Herausgegeben von Anton Schiefner. St. Petersburg, 1856. 140 с.
- Ikegami J. A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin. Sapporo: Hokkaido University Press, 1997. 294 с.
- Janhunen J. Material on Manchurian Khamnigan Evenki. Helsinki (published by the Castrenianum Complex of the University of Helsinki in cooperation with the Finno-Ugrian Society), 1991. 120 с.
- Kane D. The Sino-Jurchen Vocabulary of the Bureau of Interpreters. Bloomington: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 1989. 461 с.
- Mongolian-English Dictionary. General Editor Ferdinand D. Lessing. Compiled by Mattai Haltod, John Gombojab Hangin, Serge Kassatkin and Ferdinand D. Lessing. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1960. 1217 с.
- Whaley L. J. Orochen // Alexander Vovin, José Andrés Alonso de la Fuente and Juha Janhunen (eds.). *The Tungusic Languages*. Routledge Language Family Series. London and New York: Routledge, 2024. P. 184–205.
- Zikmundová V. Sibe // Alexander Vovin, José Andrés Alonso de la Fuente and Juha Janhunen (eds.). *The Tungusic Languages*. Routledge Language Family Series. London and New York: Routledge, 2024. P. 483–500.

Zikmundová V., Gao Wa. Spoken Manchu // Alexander Vovin, José Andrés Alonso de la Fuente and Juha Janhunen (eds.). *The Tungusic Languages*. Routledge Language Family Series. London and New York: Routledge, 2024. P. 463–482.

References

Avrorin V. A. *Grammatika nanayskogo yazyka. T. 1. Foneticheskoye vvedeniye i morfologiya imennykh chastei rechi* [Grammar of the Nanay language. Vol. 1. Phonetic introduction and morphology of the nominal parts of speech]. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959, 282 p. (In Russ.)

Avrorin V. A. *Grammatika man'chzhurskogo pis'mennogo yazyka* [Grammar of the Manchu written language]. St. Petersburg, Nauka, 2000, 239 p. (In Russ.)

Avrorin V. A., Lebedeva Ye. P. *Orochskiye teksty i slovar'* [Oroch texts and dictionary]. Leningrad, Nauka, 1978, 264 p. (In Russ.)

Benzing J. *Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik*. Wiesbaden, Verlag der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz, in Kommission bei Franz Steiner Verlag GMBH, 1956, 154 p.

Evenkiysko-russkiy slovar' [Ewenki-Russian dictionary]. Vasilevich G. M. (Comp.). Moscow, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1958, 802 p. (In Russ.)

Golovachev V. Ts., Ivliyev A. L., Pevnov A. M., Rykin P. O. *Tyrskiye stely XV veka: Perevod, kommentarii, issledovaniye kitayskikh, mongol'skogo i chzhurchzhen'skogo tekstov* [The Tyr stelae of the 15th century: translation, commentary, research of Chinese, Mongol, and Jurchen texts]. St. Petersburg, Nauka, 2011, 318 p. (In Russ.)

Ikegami J. *A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin*. Sapporo, Hokkaido University Press, 1997, 294 p.

Janhunen J. *Material on Manchurian Khamnigan Evenki*. Helsinki (published by the Castrenianum Complex of the University of Helsinki in cooperation with the Finno-Ugrian Society), 1991, 120 p.

Kane D. *The Sino-Jurchen Vocabulary of the Bureau of Interpreters*. Bloomington, Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 1989, 461 p.

Khasanova M., Pevnov A. *Mify i skazki negidal'tsev* [Myths and tales of the Negidals]. Osaka, Osaka Gakuin University, 2003, 297 p.

M. Alexander Castrén's *Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis*. Anton Schiefner (Ed.). St. Petersburg, 1856, 140 p.

Mongolian-English Dictionary. Ferdinand D. Lessing (Ed.), Mattai Haltod, John Gombojab Hangin, Serge Kassatkin, and Ferdinand D. Lessing (Comps.). Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1960, 1217 p.

Onenko S. N. *Nanaysko-russkiy slovar'* [Nanay-Russian dictionary]. Moscow, Rus. yaz., 1980, 552 p. (In Russ.)

Pevnov A. M. *Chteniye chzhurchzhen'skikh pis'myon* [Reading of the Jurchen script]. St. Petersburg, Nauka, 2004, 498 p. (In Russ.)

Pevnov A. M. O mongol'skom vliyani na vyrazheniye nekotorykh padezhnykh znacheniy v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh [Mongolic influence on the marking of certain cases in the Manchu-Tungusic languages]. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies]. St. Petersburg, Nauka, 2015, vol. XI, pt. 3, pp. 303–328. (In Russ.)

Polnyy man'chzhursko-russkiy slovar', sostavlennyy prepodavatelem man'chzhurskogo yazyka pri Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete, deystvitel'nyy stat. sovetn. Ivanom Zakharovym [Comprehensive Manchu-Russian dictionary, compiled by Ivan Zakharov, teacher of the Manchu language at the Imperial St. Petersburg University, State Councillor]. Zakharov I. (Comp.). St. Petersburg, Tip. Imp. Akad. nauk, 1875, 1127 p. (In Russ.)

Poppe N. N. *Materialy po solonskomu yazyku* [Materials on the Solon language]. Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1931, 143 p. (In Russ.)

Rudnev A. *Novyye dannyye po zhivoy man'chzhurskoy rechi i shamanstvu (s dvumya risunkami v tekste)* [New Data on the Live Manchu Speech and Shamanism (with two drawings in the text)]. In: *Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva* [The

Notes of the Eastern Division of the Imperial Russian Archaeological Society]. St. Petersburg, 1912, vol. XXI, iss. I, pp. 47–115. (In Russ.)

Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. Materialy k etimologicheskomu slovaryu [Comparative dictionary of the Manchu-Tungusic languages. Materials for etymological dictionary]. V. I. Tsintsius (Ed.). Leningrad, Nauka, 1975, vol. I, 672 p. (In Russ.)

Sunik O. P. *Ul'chskiy yazyk. Issledovaniya i materialy* [The Ulcha language. Researches and materials]. Leningrad, Nauka, 1985, 263 p. (In Russ.)

Whaley L. J. Orochen. In: *The Tungusic Languages*. Alexander Vovin, José Andrés Alonso de la Fuente and Juha Janhunen (Eds.). Routledge Language Family Series. London and New York, Routledge, 2024, pp. 184–205.

Zikmundová V., Gao Wa. Spoken Manchu. In: *The Tungusic Languages*. Alexander Vovin, José Andrés Alonso de la Fuente and Juha Janhunen (Eds.). Routledge Language Family Series. London and New York, Routledge, 2024, pp. 463–482.

Zikmundová V. Sibe. In: *The Tungusic Languages*. Alexander Vovin, José Andrés Alonso de la Fuente and Juha Janhunen (Eds.). Routledge Language Family Series. London and New York, Routledge, 2024, pp. 483–500.

Список условных сокращений

ма. — маньчжурский язык; **нан.** — нанайский язык; **орок.** — орокский язык; **ороч.** — ороцкий язык; **уд.** — удэгейский язык; **ульч.** — ульчский язык; **эвен.** — эвенский язык; **эвенк.** — эвенкийский язык

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
08.02.2025

Сведения об авторе Information about the Author

Александр Михайлович Певнов — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Aleksandr M. Pevnov — Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

E-mail: pevnov@gmail.com
ORCID 0000-0002-7421-7777